

# В СТАТЬ РЯДОМ И ЧУТЬ ВПЕРЕДИ

Людмила Павловна Шопина,

доцент Липецкого государственного педагогического университета,  
кандидат педагогических наук

Лагерная педагогика... Искусство или наука? Технология или магия? Подчиняется законам логического, математически выверенного мира «вложил — получил» или возникает как озарение, как праздник бытия, как фееричная, молодая и талантливая модель «поражения» чудом бесценного общения вожатого и ребёнка? И никогда не имеет постоянного количественного коэффициента полезного действия: разброс может быть от нуля, даже от отрицательных величин до неисчислимо высоких сфер, не имеющих шкалы измерения.

- досуговая педагогика
- концепции лагерной педагогики
- моделирование личности
- педагогика трансцендентного изменения личности
- право подростка на самоопределение

На I Всероссийском съезде организаторов в области отдыха и оздоровления детей и молодежи уважаемая сибирская коллега-профессор призналась: «Не люблю фразу: «Вожатый — профессия-птица». Всегда переспрашиваю: если птица, то какой породы, ворона, что ли?».

Предоставим вести полемику с уважаемой коллегой (назовём её У.П.) другому профессору — Сталю Шмакову (С.Ш.)<sup>1</sup>.

**У.П.: Кто такой вожатый? Какое право он имеет влиять на социализацию детей? У ребёнка есть право на самоопределение.**

**С.Ш.:** «Каждый ребёнок — Вселенная, и часто одного атома

<sup>1</sup> Сталь Анатолевич Шмаков (1931–1998) — учёный, педагог.

бывает достаточно, чтобы загорелось новое светило»<sup>2</sup>.

Это разве не об изменении социализации: от безликой, стандартной к пассионарной, социально окрашенной и общественно значимой? Вопрос этот — один из ключевых для педагогики воспитания, ибо моделирование новых позитивных социумов через катарсические эмоции — цель и «высший пилотаж» досуговой педагогики.

Уникальная педагогика трансцендентного изменения личности сегодня *лежит под ногами*, не проанализированная, не изученная, не востребованная. Ещё десяток лет — и уйдут её последние живые свидетели. А мы будем *изобретать велосипед* в сфере профилактики правонарушений. Впрочем, вряд ли у власти появятся на этот счёт иные идеи, кроме строительства новых тюрем. Если бы Сталь Анатолевич и подобные ему считали себя не вправе

<sup>2</sup> Цит. По: Сталь Шмаков. Грани личности. Сост. Шопина Л.П. Липецк, 2003.

влиять на социализацию личности ершистых подростков, умылся бы Липецк в 1960-е годы кровушкой. Ситуация была непростой — проблема подростковой преступности в Липецке обсуждалась тогда даже на коллегии министерства в Москве. Результативность же работы Шмакова была 100-процентной! Все подростки с буйными биографиями, несовершеннолетние правонарушители, вращаясь в орбите Сталя, обрели новую систему нравственных координат. Или лучше было уважать их право на самоопределение и позволить творить всё, на что хватало их дикой фантазии?

Вопрос не представляется риторическим в свете инноваций, которые несёт нам, например, Форсайт-проект. Напомним, Форсайт-проект — это стратегия развития образования и воспитания детей в России на ближайшие 20 лет, представленная на Всемирной выставке в Шанхае в 2008 году как безальтернативная и единственно возможная для страны. Именно там предлагается «дискурс на компетентностное детство», то есть, на право ребёнка «попробовать всё», что предлагает наша отнюдь не целомудренная цивилизация. А потом, может быть, вдруг он станет нравственным и культурным.

**У.П. Ложь, что вожатым дети доверяют больше, чем родителям и друзьям. Если бы это было так, то пора было бы бить во все колокола.**

Давайте бить в колокола. Уютно ли в нашем мире среднестатистическому подростку? Не всегда. Об этом свидетельствует статистика детско-подростковой преступности, растущее число суицидов, побегов из дома, факты появления детей-маугли, детей-бомжей, детское бродяжничество. Это ли не признаки физического и душевного одиночества значительного числа подростков? И разве вожатый не должен вновь, как в 1960-е, встать «рядом и чуть впереди?»

**У.П.: Педагогика лагерей должна быть очерчена строго научным тезаурусом, стилем, языком, схемами и моделями.**

Конечно, сегодня необходимы и строго научные исследования лагерной практики в монографиях и диссертациях, и эмоциональная ре-

флексия в статьях. Одно другому совершенно не мешает. Но какой «научный тезаурус» так потряс А. Католикова<sup>3</sup> в тот момент, когда он опустился перед Шмаковым на колени со словами: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени»? Какие схемы и термины могли иметь столь мощное влияние? Или, может, всё же, катарсис перерождённой души?

Какой «научный тезаурус» использовал Шмаков, когда за несколько часов буквально влюбил в себя юных сокольских правонарушителей, грозы Липецка, на всю жизнь изменив судьбы этих парней? Очаровал их и предложил вместо бандитских привычек (воровства, драк с поножовщиной) романтические модели бытия в позитивном социуме. Может, прочитал им научный доклад?

Соотношение теории и практики в вожатской профессии весьма неоднозначное. Тезаурус профессии в основных чертах давно сложился, но в нём невозможно учесть неформальные параметры, которые и делают её уникальной.

Иррациональная сторона профессии апеллирует к области подсознания, к архетипам, возрождая такие формы бытия, как соборность, коллективизм, альтруизм. Как выразить схемой магию профессии-птицы? Как отобрать аромат у живого цветка? Шмаков писал: «С какой другою работой сравнится — ребячьи сердца зажигать?».

Противостояние творческой, импровизационной, спонтанной и механической, стандартизированной педагогики не ново. История повторяется. Когда в 1960-е годы чиновники пытались ломать творческую педагогику «Орлёнка», досужие проверяющие также искали криминал в каждом нестандартном слове: «Что это за клуб «Зелёная лампа»?

<sup>3</sup> А. Католиков — директор детского дома, потерявший ноги при спасении детей-сирот.

Вы что, собираетесь выводить отряды на Сенатскую площадь? Что это за девяносто новых форм вожатской работы?». К сожалению, баланса между содержанием и формой, душой и правилами в вожатской работе до сегодняшнего дня так и не найдено. А ведь необходимо и то и другое.

Выявить и описать синергетическую, «приращённую» сущность профессии очень сложно. Обратимся к смежным областям гуманитарного знания, научным теориям, которые владеют этим тезаурусом и могут иметь эвристическую ценность для педагогики лагерей.

#### Диалоговая концепция культуры Бахтина — Библера<sup>4</sup>

Она метафорична и неоднозначна, но некоторые её положения убедительно раскрывают определённые аспекты вожатской профессии. Будем исходить из того, что, попадая в лагерь, лишённый привычных, иногда деструктивных связей, оторванные от условий, в которых закреплялись привычки, ребёнок начинает принимать как норму новые стандарты. Если они талантливо смоделированы, эмоционально притягательны, то у ребёнка происходит замещение устоявшихся поведенческих и ментальных стереотипов. Талантливый вожатый вводит ребёнка в мир культуры чувств, мыслей, желаний, притязаний.

Культура — личность — диалог — текст — это своеобразный код «безгранично пульсирующего» пространства, порождающего смыслы, идеи, новые миры. Жизнь у Бахтина рассматривается «в хронотопе» (пространстве-времени культуры). А разве лагерный социум не работает с этими категориями, безмерно ускоряя или растягивая их в восприятии конкретной личности? По Бахтину, в культуре «сосредоточиваются все смыслы человеческого бытия: социальные, духовные, логические, эмоциональные, нрав-

ственные». В культурном пространстве лагеря они зачастую обретают своё предельное по интенсивности воздействия выражение. Иными словами, по Бахтину, культура — это антропологический феномен, порождение «беспредельно богатой человеческой субъективности, выявление всей человеческой природы во всём многообразии», «деятельность, на возможность деятельности направленная, то есть, работа **самоизменения**». По широте предъявления ребёнку пространства для развития наши лагеря имеют разные возможности, но по глубине влияния, по потенциалу «заражения» представляют собой вполне адекватную систему.

Бахтин ввёл в науку понятие ТЕКСТ. Текст — это поступки, слова, дела, творения, мысли, чувства, то есть «инобытие человека». Для изменения или коррекции текста личности лагерный мир подходит как никакой другой.

Текст, по Бахтину, будучи дополнен до возможности самовыражения, всегда диалогичен. «Текст... не равняется всему произведению...или эстетическому объекту. В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается. (Красивое описание личности ребёнка? — Л.Ш.) Внетекстовый интонационно-ценностный контекст в большей своей части, особенно в своих наиболее существенных и глубинных пластах, остаётся вне данного текста как диалогизирующий фон его восприятия. Фраза может быть отнесена и к синергетическому диалогу взрослого и ребёнка в условиях лагеря. Доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетного слова, ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его бесконечные градации и оттенки, наслаивание смысла на смысл, голоса на голос, усиление путём слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов, дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого). Эти особые отношения нельзя свести ни к логическим,

<sup>4</sup> Бахтин М.М. К философии поступка. М., 1986.

ни к предметным. Здесь встречаются целостные позиции, целостные личности. Абсолютно справедливое высказывание для лагерного социума.

Результат культуросообразного общения (в том числе, в лагере. — Л.Ш.), его преобразованный продукт Бахтин называет производением. В идеале — это обретение триады, обозначенной П.Флоренским, как Истина, Добро и Красота. «Это метафизическая триада есть не три разных начала, а одно. Это одна и та же духовная жизнь, но рассматриваемая под разными углами зрения. Духовная жизнь, как из «Я» исходящая, в «Я» своё средоточие имеющая — есть Истина, воспринимаемая как непосредственное действие другого — она есть Добро. Предметно же созерцаемая третьим, как вовне лучающаяся — она есть Красота»<sup>5</sup>. В процессе лагерного воспитания существуют уникальные возможности апелляции и к Истине, и к Добру, и к Красоте в душе ребёнка посредством общения с природой, бесед, психологически насыщенных «Огоньков», нравственной рефлексии.

«Образовательное (и воспитательное) событие — это возможность перерешить свою жизнь, отстроить её заново из точки. Разворачивая жизнь как историю выражения личностного образа, мы подчёркиваем, что личность существует во времени. Время же, ставшее ареною существования личности, становится её историей» (А.Ф. Лосев). Интенсификация аксиологически нагруженных событий внутри изменённого интенсивного времени — характерная черта лагерного социума.

Мы говорим о восстановлении развитии национальной культуры. Где, как не в лагере можно учить детей со-творению новых образов жизни и новых систем деятельности? Ещё в XI веке митрополит Иларион произнёс фразу, которая может считаться одной из императивных формул-правил для профессии вожатого: «Родися благодать, а не закон; сын, а не раб»<sup>6</sup>. Один из смыслов цитаты может быть отнесён и к соотношению закона, то есть, жёстких правил и живого общения через высшую Любовь, чем так сильны были в прошлом веке наши ла-

геря. В данном контексте вожатый, будучи для ребёнка транслятором культуры, должен являться «сгустком природно-общественно-исторических отношений», живущим «ради целей общечеловеческого благоденствия, не созерцающим, но переделывающим несовершенство жизни...»<sup>7</sup>.

В науке по отношению к социальным изменениям личности существует термин «социопластика». Представляется, что он значим и для профессии вожатого. Социальная пластика — «переделывание несовершенства жизни» — применяется в лагерной жизни с помощью креативных мероприятий, педагогических ситуаций, воспитательных стратегий.

Духовная основа педагогической деятельности в социальной пластике — Любовь. А.Ф. Лосев писал: «Отношения человека ко всему, чем он занимается и ко всем, с кем он имеет дело, будут Любовью, если имеют преобразующий характер, пафос исправления, совершенствования, восхождения к лучшему».

Сущность профессии вожатого не укладывается в математическую формулу, она прирастает смыслами, значениями, нюансами, метафорами, что делает её уникальной. Велико значение в профессии знаково-символического контекста воспитания.

Практика вожатской профессии оперирует не только словами, но и образами. Эффективное воздействие на воспринимающего «требует особого языка (языка символов, смыслов, поступков, знаков), где значения слов погружаются в образно-смысловое поле текста и не существуют вне его»<sup>8</sup>.

Проводя аналогию с лингвистикой, можем предположить, что «знак (конкретный метод, приём, способ воздействия) — это

<sup>5</sup> Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 1, 2. М.: Правда, 1990.

<sup>6</sup> Иларион. Слово о законе и благодати. М., 1994.

<sup>7</sup> Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1995.

<sup>8</sup> Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995.

не образ, а одно из его составных. Поступки и методы в нём характеризуются не только собственным, но и приращённым смыслом, знак выражает не всегда одно значение, становясь то контекстуально подчинённым, то контекстно нагруженным, то выражая сиюминутную ассоциацию»<sup>9</sup>.

Тезаурус бытия ребёнка в лагере можно считать объединённым текстом. Текст как знак вступает в не прямое (образное) отношение к реальным фактам, жизненно важным для воспринимающего и тем самым ко всему его универсуму как комплексу ценностей<sup>10</sup>.

«Учёные исследуют ... атомы, первопричины и первооснову. Как анатом никогда не сложит из них живого человека, так филолог из исследованных сравнений и метафор не создаст целостного произведения, да и не объяснит секрета этой целостности, пытаюсь изучить её под микроскопом». В лучшем случае выйдет Буратино или робот»<sup>11</sup>. Так же и педагог только из научных схем не сотворит феноменальную ауру лагерной жизни.

О противостоянии механических стандартов и энергетического потенциала феноменальных явлений А.А. Мурашов писал: «Недопустимо сводить произведение ... к «мелочишке суффиксов и флексий», к словам, метафорам и сравнениям. Поэт (как и вожатый. — Л.Ш.) не нанизывает слов: он рождает готовое произведение (мотивации, идеологию, эмоциональную среду, отчасти — новые судьбы), несводимые к сумме составляющих. А это значит, что изучение слов, предложений и их комбинаций (как и теорий, методик. — Л.Ш.) нельзя считать изучением художественного текста (то есть, сути профессии вожатого); ... как живая природа не может считаться предметом (изучения только)

<sup>9</sup> Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., Прогресс, 1974.

<sup>10</sup> См.: Мастера красноречия. Сб. М.: Знание, 1991

<sup>11</sup> Мурашов А.А. Культура речи учителя. Москва — Воронеж, 2002.

химии». И одни лишь научные выкладки не смогут отразить синергетическую магию изменения ребёнка в среде лагеря.

Далее — о стиле общения ребёнка и вожатого: «... стиль ещё и результат взаимодействия ТЕКСТА (подростка) и личности художника (вожатого) во всём многообразии и во всех неуловимых изменениях её духовного облика, индивидуального мировидения».

Подлинное изучение сути воспитательных технологий лагеря не может быть сведено к анализу сугубо формальных педагогических категорий и структур. Романтизированный мир несёт в себе дополнительный эффект эстетической убедительности. Оставаясь же на формальных позициях, «мы рискуем оказаться в положении художника, всерьёз размышляющего, сколько травинок нужно изобразить, чтобы показать цветущий луг». Но симфония не бывает сводима только к совокупности нот.

Конечно, вожатые бывают разными. И системы организации работы лагерей тоже разнятся между собой. Но вожатство всегда было сильно своей неисчерпаемой потенциальностью. Сотни, тысячи спасённых судеб на счету вожатства. Космонавт А.А. Серебров, трижды побывавший в космосе, бывший вожатый «Орлёнка», говорил: «Когда меня спрашивают, а где же результат, сухой остаток воспитательных усилий лагеря, я отвечаю: «А тысячи учёных, врачей, политиков, артистов, архитекторов, художников, педагогов, музыкантов, бизнесменов, скульпторов?»». Существует множество примеров, свидетельствующих о том, как лагерные социумы, продуцирующие пространство добра и любви, спасают детей от безнадёжных ситуаций.

Талантливый вожатый меняет подходы к детям в зависимости от контекста общения. «Художественный стиль — всегда деформация норм». Ребёнок, понимаемый в широком смысле как ТЕКСТ, не сводится к совокупности схем и правил.

Формальная наука эту уникальность исследовать не полномочна. Если считать объектом семиотики не совокупность знаков, а множество означиваемых объектов, то мы увидим, что проблемы одухотворённой синергийности воспитания, «экспрессивных ореолов» смыслов являются сущностью науки о формирующемся, меняющемся ребёнке (ТЕКСТЕ).

Надо признать, что уникальные авторские технологии не поддаются тиражированию. В плане деталей, направления поиска — да. Но буквально — нет. И когда языком метафор, метонимии, аналогий, художественных средств педагоги передают нам свой опыт, не стоит критиковать их за несоответствие научным стандартам. Лучше попытаться воспринять ритм, мелодику биения его сердца, но не формализованные признаки жанра.

В языкознании существует понятие «колеблющихся признаков» (но разве ребёнок сводим к статике, неизменности, к таблице в учебнике?) и «мерцающих смыслов» («зарождению» шмаковских «галактик»). И пространство лагерного воспитания имеет дело с множеством индивидуальностей, складывающихся в живую психоэмоциональную сеть, чуткую, взаимозависимую и живую. Роль вожатого в ней чрезвычайно велика.

В науке о языке существует понятие «идиостиль». Р. Барт видит в нём «автономное Слово, погружённое исключительно в личную, интимную мифологию автора, в сферу его организма, где рождается самый первоначальный союз» чувств и мыслей<sup>12</sup>.

В контексте лагеря ребёнок и вожатый — носители собственного авторского коммуникативного идиостиля. И их взаимодействие, создающее уникальное гармоническое произведение — также один из аспектов профессии вожатого.

Нестандартность общения и заражения внутри лагерной коммуникации порождает акты коммуникативного сотворчества старших и младших. Тогда-то и возникает «приращение» смысла, увеличение, расширение семантического и эстетического пространств. Оно как бы про-

<sup>12</sup> Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., Прогресс, 1974.

свечивает сквозь прямые значения слов и поступков, являя новую основу перерождающейся души. Нестандартные мысли у писателей аналитики называют «маленькими смысловыми скандалами», смысловыми светотенями, делающими текст двуплановым. Магия общения в лагере строится на таких же ювелирных, провоцируемых вожатым смысловых эмоциональных «взрывах», механизмах разрушения привычного стереотипа с целью осуществления коммуникации «от сердца к сердцу». Такой механизм «несводим к сумме значений составляющих компонентов» (мероприятий, праздников). Невозможно выделить стандартное и перекрывающее его образное начало, они неразрывно связаны.

Педагогические технологии, разработанные корифеями, неповторимы. Это совершенно особое явление, не укладывающееся в рамки сухих норм. Магия, обогащённость образностью и подтекстами обеспечивают уникальность воспитательного формирующего воздействия на детей.

Работая с ребёнком, вожатый так же, как педагог-социопластик, «всматривается в сферу его выраженности, явленности», то есть, в целостную жизненную ситуацию. Исследует личностную историю ребёнка или миф, ибо «миф есть сама жизнь», «жизненно осязаемая и творимая вещественная реальность или телесность», «энергичное самоутверждение личности» в выразительных функциях, это «образ личности», «лик личности», а не её субстанция<sup>13</sup>.

Вожатый (в данном контексте выступающий как социопластик) «специально организует ситуации жизни, способствующие восхождению в «человеческое». Это и есть алгоритм основного воспитательного процесса в лагере: вожатый должен стать «соавтором, сотворцом

<sup>13</sup> Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. М., 1991.

мифа другой личности, чтобы этот миф приобрёл «такую выраженность, то есть, такое тождество логического и алогического, которое является ...интеллигентной выразительностью...» (А.Ф. Лосев) В результате ребёнок обретает способности выстраивать свою жизнь в соответствии с матрицей, предложенной вожатым. Так в ребёнке рождается «человек культуры».

Для социопластика (вожатого. — Л.Ш.) педагогическая деятельность является искусством, т.е. выразительным и символическим конструированием предмета (А.Ф. Лосев). «Результатом деятельности педагога-художника является создание очередного педагогического (художественно-педагогического) произведения»<sup>14</sup> — счастливой и гармоничной, исчерпывающе полной судьбы ребёнка.

Конечно, чтобы работать, «создавая новые миры», вожатый должен быть человеком культуры, обладать талантом педагогического общения, нестандартностью. Действительно, «художественный ТЕКСТ — это всегда уход от норм».

**УП: Несколько десятков лет «педагогика детства» плодит тонны одинаковых диссертаций, похожих как близнецы. Нет новых идей, концепций, зато с тезаурусом, схемами, научностью всё в порядке.**

Надо признать, что в современной науке не так много внимания уделяется свежести мысли, движению чувств, живому дыханию интеллекта. Искателей кандидатских дипломов — легион. И Шмакова, и Газмана препарируют по законам анатомического театра. Хотя повторить их невозможно, даже если определить, как сокращалось сердце и рефлекторно двигались мышцы. Остаётся добавить, что жизнь Учителей всегда сопровождалась неоднозначным отношением «биологов от науки». Два года жесточайшей обструк-

ции пережил О.С. Газман, тогда Шмаков пригласил его в Липецк, позже Олег Семёнович стал академиком. Талантливейший В. Матвеев, редактор «Учительской газеты», пережил трагический период полного неприятия. Громили его с трибун педагогических конференций за то, что не столь научные слова говорил, и не те концепции выдвигал. Гигант педагогики XX века, К.А. Москаленко, совершивший переворот в науке и практике советской школы, был буквально распят бюрократами от науки. Его инновации были оклеветаны, школа разгромлена. Участник Парада Победы погиб не от фашистов, а от рук методически грамотных товарищей. Как мальчишку могли отчитывать вернувшегося из триумфальной поездки по Америке С.А. Шмакова за не вовремя сданный журнал. Так что, не сегодня началось противостояние формы и содержания, тела и духа. Высокая, талантливая, невыразимо прекрасная педагогика, в которой действовали синергетические законы умножения креативной энергии, в которой перерождались потрясённые души, которая возрождала увядшие законы справедливости, чести и любви, и в лучшие свои времена не жила безоблачно.

Суть современной лагерной педагогики действительно выражает вопрос: «Какой породы профессия-птица, ворона, что ли?» Вот и изучаем мы эту ворону, препарируем, расчлняем на схемы, разбираем на термины, признаки, функции.

Время романтиков когда-то рождало пассионариев профессии. Как говорят, «эпоха титанов рождала титанов мысли, ума и таланта». Наше время гениями не беременеет. Эпоха клерков порождает клерков.

Только почему у новосибирцев, плеяды первых послевоенных вожатых, до сих пор при упоминании имени Сталы Шмакова перехватывает дыхание и на глазах появляются благодарные слёзы? **НО**

<sup>14</sup> Лосев А.Ф. Держание духа. М., 1995.